

Автор: Есельсон С.Б.(Россия); Автор: Миккин Х. (Эстония).

Вопросы, сформулированные Н. Волковой:

1. Что такое, на Ваш взгляд, время в жизни человека? Его место, роль, значение?
2. Что происходило со временем в нашем социалистическом обществе, как текло время для людей при социализме? Реальные примеры из жизни, из практики. Что, на ваш взгляд, означают выражения "убивать время", "проводить время", насколько эти выражения были актуальны при социализме и насколько актуальны сейчас?
3. Что стало происходить со временем в России (Эстонии) в момент перехода от социализма к капитализму и что происходит со временем в современной России (Эстонии)? Стало ли время более реальной категорией, чем раньше, стало ли время цениться больше или же оно стало материалом для обмена, т.е. время меняется на деньги, на карьеру, на внешние ценности, и опять его подлинность ускользает?
4. Что нужно для того, чтобы ощущать подлинное время? Каковы признаки того, что человек живет в подлинном времени? Чувствуете ли Вы вкус жизни или же жизнь Ваша пресна или тошнотворна?
5. Приведите, пожалуйста, примеры из Вашей консультационной практики, относящиеся к проблемам взаимоотношений предпринимателей, политиков со временем их жизни. Что происходит, когда от человека ускользает подлинная сущность, ценность времени? Как человеку, обществу вернуть, найти утраченное время?

Отвечает Смен Есельсон:

Времени мы чаще всего не замечаем. Открытие времени - это, как правило, поворотный момент в жизни. Вот пришел на 30-летие окончания школы и открыл головокружительную толщу времени за собой. Мало людей приходят на такие юбилеи. Объясняют так - "чтобы не расстраиваться". А вот юбилеи окончания вузов - часто отчет и самоотчет о том, чем было наполнено время. На таких отчетах редко увидишь тех, кому от них не по себе. Редко увидишь и тех, кто настолько наполнен своим сегодняшним днем или своими планами, что прошлое для них - словно другая жизнь. От людей в такой период жизни можно услышать, что они в одной жизни прожили уже несколько жизней. То, что было раньше - им неинтересно, прошлое с ними слабо связано.

На днях слышал, как в трамвае одна старушка другой говорит: "Жизнь, оказывается, такая короткая. Вчера, казалось, школу заканчивала, а вот уже смерти начала ожидать". Пожилая женщина, необыкновенно активная в молодости, вырастила внуков, похоронила мужа, живет одна. "Время, - говорит она, стало тягучим, тянется и тянется, и конца ему нет". Далекое прошлое помнит она до мельчайших подробностей, а настоящее для нее теряется.

Тот социализм, который пришелся на мою жизнь, был для меня жизнью без особых

неожиданностей. В этом смысле времени не было. Неожиданности могли подстергать человека в личной жизни. Неожиданны были болезни, смерти. Неожиданно вас мог бросить близкий человек. Неспроста первые практические психологи в то время у нас обитали в службах семьи, работающих с супругами, подающими заявление на развод. А на первом же предприятии, начавшем широко привлекать именно психологов, а не социологов для практической работы - Пермском телефонном заводе - психологи работали с людьми, подающими заявление на увольнение. Но в целом жизнь была ожидаема, планируема, размеренна. Мы были людьми, которые сильно отождествляли себя с производственными системами, в которых работали. Жизнь протекала в ритме начала планового периода и закрытия плана; так было и на предприятиях, и в учебных заведениях, и в райкомах-горкомах. Социальный опыт отцов передавался детям.

Четкие очертания имела карьера - научная ли, производственная ли, партийная ли, военная ли. Известно было, что если правильно действуешь, то через столько-то лет получишь известную должность или звание, а если сильно повезет, то сможешь замахнуться и на большее. Но известен был и анекдот, что внук генерала никогда не станет маршалом, потому что у маршалов свои внуки есть. И это знание успокаивало, придавало трезвости. Известно было и как получить квартиру и за сколько лет, и где и почем.

Я помню удивление одного свердловского профессора, гуманитария, в начале 80 х ездившего в лагерь, где сидели диссиденты, читать лекции. Удивление было от того, что они отказывались принимать это знание, отказывались жить по правилам так устроенной жизни. Они тогда казались ему просто сумасшедшими.

Жизнь не была приключением - это уж точно. Жажда узнать неведомое приводила людей в науку, где все тоже было устроено планомерно и размеренно. Настолько, что, помню, в 70 е годы мы уже проделанную научно-исследовательскую работу записывали в план на будущее. Позже я узнал, что это делалось повсеместно. Так что геологи, например, на профессиональных междусобойчиках решали, когда и какое уже совершенное открытие они будут ставить в план и совершать.

Тоска по настоящему приводила чаще всего в горы или к бутылке. Первое считалось "хорошо", а второе - "убивать время". А вот выпить и закусить у костра под гитару - не значило "убивать время".

Проводить время, проводы времени было то же самое, что идти в ногу со временем, быть со временем на "ты", погонять "время вперед" - иными словами, находиться в иллюзии, что ты всесилен и можешь делать с ним, что хочешь. Если в 60 е, как я помню, это чувство революционной романтики было еще живо, может быть, благодаря хрущевской оттепели, то в 70 е оно практически сошло на нет, превратилось в фальшиво-бравурное "я, ты, он, она - вместе целая страна".

Моя тетя, совсем пожилая женщина, ученый-историк, говорила мне в начале 90 х (а ей тогда перевалило за 80): "Знаешь, мне так интересно жить. Интересно, что будет дальше, что будет за следующим поворотом?"

В 92 м главный инженер одного очень крупного предприятия говорил мне, что боится грядущего. Его переживания, если сравнивать их с чем-то, были, кажется, сродни переживаниям человека, обнаружившего, что ледник, столетиями находившийся на месте, двинулся в путь. Он стал руководителем, научился "решать вопросы" в одной жизни. Он был специалистом по Госснабу, Госплану, по своему министерству, по Госстандарту, по своей "отраслевой науке", по "приемке". Он знал там каждую кочку. Но в том, что надвигалось из-за поворота, он был чистой водой профаном. Хотелось, чтобы время остановилось. Хотелось, чтобы все это было только страшным сном.

Время в начале 90 х пошло, остановившиеся некогда часы затикали. Привычные опоры распадались. Опыт отцов перестал быть опорой для преуспеваания. Перед огромным множеством наших людей появились вопросы, которые никогда не стояли. Вопросы о том, что правильно, а что неправильно. О том, как дальше жить. Необычайно быстро для многих вопросы закрылись. Люди занялись "делом" либо пошли за "лидером" и этим себя успокоили.

Для многих бизнесменов время тогда снова остановилось. Один крупный бизнесмен, бывший спортсмен, шедший в 90 е в политику, объяснял мне это примерно так - "я привык идти от одних соревнований, от одних побед к другим, бизнес в масштабах города освоил, теперь пора стать мэром". Один раз закрученная пружина лихо раскручивалась. На Багамских островах наших узнавали по одинаковым дорогим красным пиджакам. Для многих "новых русских" вопрос смены жены и места учебы детей было вопросом такой же моды, как вопрос о том, на каком автомобиле ездить.

Время пошло в 98 м. Один бизнесмен, крупно погоревший на дефолте, с удивлением, помнится, открывал для себя пустоту, потерю прошедших лет. "Я понял, что деньги - фантики, бумага. Вот они есть, а вот, как у фокусника, - следите за руками, - их уже нет. На что я потратил столько лет жизни?" То, над чем смеялся М. Булгаков в "Мастере и Маргарите", в истории с убежденностью Берлиоза в гарантированном, понятном, удобном и неизменном будущем, ушло, но не для всех, но частично, но не безвозвратно. Очень хочется-то ведь простоты, определенности, очень хочется получить гарантии и ничего при этом не потерять.

Недавно сын, изучая в школе "Обломова", вычитал у критика середины XIX века Дружинина мнение о том, что Обломов продемонстрировал собой пример человеческой порядочности, которая может выражаться и в пассивности, отказе действовать, что значительно лучше суетливости и купеческого самовлюбленного делячества.

Чувство подлинности происходящего с тобой - редкое чувство. Оно посещает, когда удается примириться со своим прошлым. Оно посещает, когда в настоящем ты не одинок, когда есть хотя бы один человек, с которым ты можешь быть открытым, с которым можно испытывать полноту человеческого общения, а если совсем повезет, - то и совместного действия. Оно посещает, когда ты живешь с надеждой на будущее.

Подлинное время - время, когда мы действуем спокойно, не торопясь, ничего никому не доказывая, не боясь, не скрываясь, не прячась, не обманывая ни себя, ни

других, не упиваясь собой. Когда мы готовы принять все, что приходит в нашу жизнь, и верим, что с этим справимся.

Мне удастся испытывать чувство подлинности некоторое время после Причастия. Иногда это минуты, иногда несколько дней. Чувство подлинности настигает тебя и после каких-либо особо острых событий в жизни, когда буря прошла, когда дым пожарищ развеялся. И приходит спокойная ясность, иногда с грустью, а если повезет, приходит безмятежность.

Много лет подряд я разрабатывал проект "Память будущих поколений", проект создания традиции ведения семейных архивов. Как гарантии против того, что нашим потомкам очередные правители, как и всегда из лучших побуждений, будут подсовывать одно на всех подходящее этим правителям прошлое. Как возможности не только почитать учебник и посмотреть на экран, но и услышать память своей семьи.

Когда на разных территориях страны проводились пробные записи рассказов стариков - для их потомков, то видно было, как старики, занимаясь переосмыслением своей жизни, буквально преображались, к ним возвращалась тонкость разума, приходила мудрость, невесть откуда появлялись силы. Появлялось и острое желание передать потомкам эстафету незавершенных дел, нереализованных мечтаний.

Как-то я рассказал об этом своему знакомому бизнесмену. Через полгода он мне позвонил: "Помнишь, ты мне рассказывал о проекте, связанном со стариками? Я хочу принять в нем участие. Хочу, чтобы после меня это осталось". Через пару месяцев он познакомил меня с одним из политиков. "Я хочу сделать так, чтобы наша партия этим занималась. Дело простое, понятное". Если члены этой партии начнут со своей семьи, со своих стариков - время сдвинется для них с точки стояния.

Когда один крупный политик потерял свой крупный пост, то в день своей потери он вспоминал глубокое детство, своих бездетных тетей, которые его жалели, беззаветно любили и безоговорочно принимали, какие бы грубости и глупости он им не говорил.

У человека много граней. Время в стране двинулось. А бизнесмены и политики - те же люди, что и учителя и рабочие. Я надеюсь, что возможности воспринимать время, воспринимать новое, воспринимать вызовы судьбы ни для кого не закрыты.

Отвечает Хенн Миккин:

Это договоренность с другими или с обстоятельствами природы о направлении и скорости смены ситуации. Время самостоятельного значения не имеет, это фон и критерии оценки событий жизни. Не вижу больших изменений в среднем, только в тексте договора теперь больше зависит от меня. Хочу, чтобы в будущем было бы еще больше выбора, чтобы появилась возможность не делать ничего, а жить в достатке.

Больше стало тех, кто выбирает свободное время ценой крайней бедности.

Появились и те, кто предпочитает использовать свое богатство для умножения свободного времени вместо умножения богатства. Осознать свои возможности и потребности при заключении договора о времени.

Большинство людей живут по типовому договору и не догадываются об упущенной возможности задать свои требования. Политики и предприниматели лучше других понимают, что главная проблема не в недостатке, а в избытке неструктурированного времени для большинства. Их миссия - придумать как можно больше ненужных действий для других и осмысливать их для исполнителей.